

На правах рукописи

ПОПОВ Виктор Викторович

**СУБЪЕКТИВНОЕ ПРАВО В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ:
ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ**

Специальность 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Волгоград – 2026

Работа выполнена в федеральном государственном казенном образовательном учреждении высшего образования «Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Научный консультант: доктор юридических наук, доцент
Редько Александр Александрович

Официальные оппоненты: **Малько Александр Васильевич**
доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Российской академии юридических наук, Поволжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийского государственного университета юстиции» (РПА Минюста России), профессор кафедры государственно-правовых дисциплин

Рыбаков Олег Юрьевич
доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, ФГАОУ ВО Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), заведующий кафедрой философии и социологии

Пожарский Дмитрий Владимирович
доктор юридических наук, доцент, ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», заместитель начальника института по научной работе

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Байкальский государственный университет»

Защита диссертации состоится «18» сентября 2026 г. в 10 ч. 00 мин. на заседании диссертационного совета 03.2.002.02, созданного на базе ФГКОУ ВО «Волгоградская академия МВД России», по адресу: 400075, г. Волгоград, ул. Историческая, 130.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на официальном сайте: <https://ва.мвд.рф>.

Автореферат разослан «___» _____ 2026 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор исторических наук, профессор

С.И. Рябов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Закономерности возникновения функционирования и развития государственно-правовых явлений в современном мире обусловлены глобализационными процессами. Доминирующая в настоящее время модель однополярной глобализации порождает особую мировую политику, детерминирующую содержание межрегиональной, региональной, внутригосударственной политики на уровне конкретных государств. Фактически осуществляемая западная глобальная управленческая модель не является наиболее оптимальной из всех альтернатив. Это подтверждается тем, что порождаемые такой моделью глобализации управленческие решения объективно ведут к целому ряду кризисных явлений общепланетарного уровня.

В данной связи совершенно правильной представляется идея о критической важности укрепления суверенитета России¹. Защита государственного суверенитета и обеспечение национальной безопасности требуют особого внимания к совершенствованию всех видов юридической деятельности, конституирующей эффективное правовое регулирование, что актуализирует проблематику научного обеспечения этой деятельности.

В данном аспекте особенно актуальными и востребованными представляются научно-правовые основы легитимации не только государства, но и права как ключевого фактора повышения эффективности правового регулирования. Создание таких основ включает в себя исследование различных моделей сочетания государства, права и свободы.

Свобода и самоопределение человека имеют довольно широкий спектр трактовок, однако в настоящее время в отношении названных явлений фактически довлеют трактовки либеральной направленности. Это неслучайно, поскольку реализуемая в нынешнее время западная модель глобализации основана на либерализме / неолиберализме, имеющем достаточно широкую теоретическую

¹ Стенограмма выступления В.В. Путина в программе «Итоги года с Владимиром Путиным» 14.12.23. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72994/> (дата обращения 14.10.24).

основу, существенные сегменты которой включают в себя специфическое прочтение общефилософских идей свободы, тесно связанное с архетипами социал-дарвинизма и мифами эволюционизма. В сфере юридической науки такое видение свободы проявляется, прежде всего, в специфике трактовки субъективных прав (в том числе прав человека), демократии, гражданского общества и, соответственно, правового государства.

Определенная интерпретация связи прав человека с демократией и гражданским обществом, с представлениями о том, что государство есть множество людей, подчиненных правовым законам, в совокупности с политической ангажированностью общетеоретической проблематики, например, соотношения права и закона, а также вместе со спецификой определенного понимания правовой системы как основанной именно на субъективном праве, где фундаментом всей правовой жизни является множество частноправовых прерогатив, ведет к тому, что в ряде случаев проявляется специфическая, фактически квазирелигиозная монопольная и произвольная интерпретация легитимности любого государства, любого права и правопорядка, толкуемого, например, как следствие так называемой правозаконности, «подлинности» демократии и «правильности» гражданского общества. Это неизменно актуализирует построение общетеоретических моделей субъективных прав как для содействия, так и для противодействия подобным деструктивным тенденциям.

На сегодняшний день ряд отечественных и зарубежных ученых внес значительный вклад в разработку различных учений о субъективных правах, что является определенным фундаментом для противодействия названным деструктивным тенденциям. Однако существующие теоретические положения не являются исчерпывающими и точными в той мере, в какой они востребованы современной теорией и практикой.

В силу этого актуальной и перспективной представляется новая теоретическая модель, где субъективные права будут иметь триединую природу и выступать не только как особые элементы предписывающего и непредписывающего правового регулирования, но и как аксиолого-иерархический

каркас данного регулирования, позволяющий максимально органично сочетать интересы участников правовой коммуникации.

Актуальность данной модели зримо подчеркивается еще и тем, что в юридической науке недостаточно внимания уделялось выработке модели субъективных прав, которая не только позволяла бы на системной основе выявлять социокультурные основания данных прав, но и предлагала бы методологический инструментарий для семантически корректной сравнительной интерпретации научно-теоретических конструкций субъективных прав, сформулированных в различных исторических и социокультурных контекстах, а также для выработки интегративных решений научных проблем аксиологической трактовки субъективных прав вообще и прав человека в частности.

Потребность в формировании существенно обновленной модели субъективных прав также высоко актуализирована методологически концептуальной, требующей разрешения на уровне общетеоретической юридической науки проблемой – смешение семантических и прагматических аспектов научно-правовых исследований. Данное смешение производно от более общей проблемы теории государства и права – выбора моделей теоретической реконструкции, выражающих в большей степени политико-прагматическую, нежели гносеологическую функцию общетеоретической юридической науки.

Семантический аспект предполагает не отказ от идеологических контекстов интерпретации субъективных прав, а исключительно актуальную сегодня их уточненную идеологическую интерпретацию на прочном логическом и формально-юридическом фундаменте. Это востребовано как в общесоциальном, так и в научно-образовательном контексте для корректного понимания особенностей сочетания свободы, порядка, справедливости и ответственности; диалектики взаимодействия объективного и субъективного, частного и публичного в правовом регулировании; функционирования механизмов правонаделения; выявления того, отражают ли соответствующие типы (методы) правового регулирования закономерности общественного развития, выражают ли они правовой прогресс, преодолевают ли консерватизм правовой системы; для формулирования, согласования, реализации национальных интересов; для

эффективного правового обеспечения национальной безопасности; для разработки концептуально-методологических основ формулирования обновленного содержания субъективных прав вообще и прав человека в частности, что позволит рассматривать данные права в том числе и как основу целеполагания для решения актуальных задач и внутригосударственного, и глобального уровней значимости.

Степень научной разработанности темы. Исследованию субъективных прав в нашей стране посвящен довольно обширный круг научных работ, которые условно можно разделить на несколько групп.

К работам по общей характеристике субъективных прав, причем как общеправовой категории, так и в отраслевом контексте, можно отнести труды советских и российских ученых-юристов: Н.Г. Александрова, С.С. Алексеева, В.К. Бабаева, М.И. Байтина, В.М. Баранова, С.Н. Братуся, В.П. Божьева, Н.В. Витрука, Ю.С. Гамбарова, В.П. Грибанова, Д.Д. Гримма, Ю.А. Дружкиной, О.С. Иоффе, Т.В. Кашаниной, Д.А. Керимова, В.М. Корельского, Н.М. Коркунова, В.В. Лазарева, О.Э. Лейста, Я.М. Магазинера, А.В. Малько, Г.В. Мальцева, Н.И. Матузова, П.И. Новгородцева, В.В. Лазарева, Л.И. Петражицкого, О.А. Пучкова, А.А. Рождественского, С.А. Сеницына, М.Г. Смирновой, В.В. Сорокина, В.М. Сырых, Ю.К. Толстого, С.В. Третьякова, Е.Н. Трубецкого, А.С. Шабурова, Г.Ф. Шершеневича, Р.О. Халфиной, В.М. Хвостова, Л.С. Явича и др.

Работы, посвященные общей характеристике прав человека, включают труды Ю.В. Анохина, М.В. Баглая, Н.В. Варламовой, Н.В. Витрука, В.М. Гессена, Л.И. Глухаревой, Л.Д. Воеводина, В.Д. Зорькина, Е.А. Лукашевой, В.В. Лапаевой, И.В. Ростовщикова, О.Ю. Рыбакова, Ф.М. Рудинского, Е.В. Тимошиной, В.В. Чуксиной, Б.С. Эбзеева и др.

Проблематика субъективных прав привлекает большое внимание и зарубежных ученых. В частности, можно назвать исследования Е.В. Булыгина, О. Бухера, Б. Виндшейда, Г. Дернбурга, Р. Дворкина, Ж. Добэна, В. Дросса, Р. Дубишара, Л. Дюги, К. Зеельмана, Е. Зингера, Г. Еллинека, Р. Иеринга, Г. Кельзена, Е.М. Майерса, К. Нино, Дж. Раза, Б. Рейнхарда, П. Рубье, А. Тона, Г.Л.А. Харта, У. Хофельда и др.

Проблематика правового регулирования и правового воздействия привлекала внимание отечественных ученых, в частности, С.С. Алексеева, Л.Н. Берг, А.М. Витченко, Н.В. Витрука, В.И. Гоймана, В.М. Горшенева, И.Я. Дюрягина, Г.А. Есакова, В.П. Казимирчука, Е.А. Лукашевой, А.В. Малько, Н.И. Матузова, И.А. Минникеса, П.Е. Недбайло, М.Ф. Орзиха, Д.В. Осинцева, В.Д. Сорокина, В.М. Сырых, Ю.А. Тихомирова, Ф.Н. Фаткуллина, А.Ф. Черданцева и ряда других авторов.

Если говорить о непредписывающем правовом регулировании, то, хотя специальных комплексных исследований по данной проблематике нет, отдельные аспекты данной проблемы все же рассматриваются в контексте и правового воздействия, в том числе и действия «мягкого права» (Soft Law). В частности, отметим работы по проблематике «мягкого права» отечественных ученых: А.В. Демина, Т.А. Желдыбина, И.И. Лукашука, Р.А. Колодкина, Т.Н. Нешатаева, Ю.Б. Фогельсона, В.М. Шумилова и др., а также более многочисленные труды зарубежные авторов: П. Вейля, Дж. Голда, Дж. П. Бургесса, А. Гузмана, Д.М. Трубека, П. Коттрелла, М. Нэнса, М. Сини, А. Шютпельца, Т. Мейера, Дж. Эйлиса и др.

Необходимо отметить ряд диссертационных работ, затрагивающих проблематику настоящего исследования и подготовленных в 2020–2025 гг. В их числе – диссертации Н.В. Варламовой (Права человека: теоретическое обоснование и юридико-догматическая конкретизация. Москва, 2024.), Е.С. Зайцевой (Пределы правового регулирования. Санкт-Петербург, 2024), А.С. Климовой (Гармонизация прав и обязанностей юридическими субъектами как закономерность развития правовой системы общества. Нижний Новгород, 2021), П.П. Ланга (Правовая деятельность: аксиологические и мировоззренческие основания. Самара, 2022), С.В. Третьякова (Развитие учения о субъективном частном праве в зарубежной цивилистике, Москва, 2022).

Изучение научной литературы показывает, что внимание российских ученых было сосредоточено преимущественно на изучении отдельных аспектов возникновения, функционирования и развития субъективных прав именно как правовых предписаний. При этом на общетеоретическом монографическом

уровне не проводилось исследований, которые использовали бы междисциплинарный потенциал, учитывали бы различие объектного и метаязыка права, семантического и прагматического аспектов рассмотрения релевантной проблематики и позволяли бы комплексно осмыслить место и роль субъективных прав в правовом регулировании. При исследовании правового регулирования не выделялось непредписывающее правовое регулирование, что затрудняет рассмотрение субъективных прав в контексте такого регулирования.

При рассмотрении аксиологических аспектов правовой деятельности и пределов правового регулирования не проводилось исследования такой специфики алгоритмов преобразования управленчески значимой информации, которая выражается в разнообразии особых социально-правовых оценок, отражающих один из аспектов бытия субъективных прав и выполняющих роль аксиолого-иерархического каркаса, предопределяющего содержательную направленность правового регулирования. Кроме того, не проводилось выделения оценок объективной пользы и оценок субъективных предпочтений, которое позволило бы создать обновленную основу решения дискуссионной проблемы ценностной интерпретации субъективных прав.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, обуславливающие механизм соотношения объективного и субъективного в правовом регулировании.

Предметом исследования выступают общетеоретические вопросы природы субъективных прав, отражающие общее и особенное в различных аспектах происхождения, функционирования и развития данного феномена как элемента правового регулирования.

Цель исследования заключается в разработке основанной на использовании потенциала междисциплинарных исследований научной концепции субъективного права как общеправового феномена, позволяющей на основании разделения прагматического и семантического аспектов теоретической реконструкции данного права с учетом различения объектного и метаязыка права переосмыслить традиционные представления о месте и роли субъективного права в правовом регулировании и получить новые знания о природе и особенностях

происхождения, функционирования и развития субъективных прав в различных аспектах механизма действия современного права.

Основные задачи исследования:

– выявить особенности влияния логико-семантического и прагматического аспектов исследования природы субъективных прав на характеристики построения теоретических моделей возникновения, функционирования и развития данных прав;

– обосновать в логико-семантическом аспекте исследования границы применимости господствующей на сегодняшний момент общетеоретической и отраслевых характеристик субъективного права как возможности в ее алетической, онтологической, диалектической и деонтической интерпретации;

– разделить семантические и политико-прагматические аспекты рассмотрения природы субъективных прав, понимаемых как мера свободы, выявив конструктивность и целесообразность подобной трактовки данных прав;

– предложить такую обновленную характеристику субъективных прав посредством предельно обобщающих понятий, которая отражала бы роль теории государства и права как связующего звена между юриспруденцией и философией, а также роль общетеоретической юридической науки как понятийного методологического фундамента для всех отраслевых и межотраслевых правовых исследований;

– уточнить специфику свойств нормативности, отраженную в использовании соответствующих вариантов ее интерпретации в контексте выявления нормативных свойств субъективных прав;

– посредством использования семантического аспекта исследования природы субъективных прав обосновать проблематичность наделения данных прав собственными нормативными и индивидуальными предписывающими свойствами;

– обосновать ограниченность характеристики субъективных прав как отраженной юридической обязанности;

– отходя от ограничений традиционного политико-прагматического контекста соотношения права и законодательства, предложить новую

конструкцию данного соотношения, выстроенную в контексте оригинальной авторской модели правового семиотического треугольника с целью уточнения и обновления характеристик сферы бытия и функционирования субъективных прав;

- в ходе рассмотрения природы субъективных прав через модель правового семиотического треугольника предложить новую характеристику данных прав как правового экспонента, используя модель правового семиотического треугольника;

- выстроить уточненную и обновленную теоретическую модель структуры нормы права, позволяющую связать субъективные права с санкционным государственно-правовым принуждением;

- сформулировать понятие субъективного права, раскрыв новые свойства данного права;

- выявить неточности традиционной теоретической реконструкции правового регулирования и правового воздействия и их соотношения в государственном и ином сопряженном управлении;

- обосновать целесообразность введения понятия «непредписывающее правовое регулирование», необходимого в контексте построения новой модели субъективного права;

- указать на место и роль субъективного права в предписывающем и непредписывающем правовом регулировании;

- выявить особенности аспекта бытия субъективного права, интерпретируемого как социально-правовая оценка, которая позволяет выстроить модель интерпретации данного права как аксиолого-иерархического каркаса, предопределяющего содержательную направленность правового регулирования и адекватно отражающего мировоззренческие, культурные, политико-идеологические и иные аспекты алгоритмов социально-правового взаимодействия.

Методология и методы исследования. Специфика предмета и задач исследования обусловила комплексный характер его методологической основы. Общую мировоззренческую основу исследования составил диалектико-материалистический подход к описанию и объяснению явлений и процессов государственно-правовой действительности с различением материального и

информационного аспектов бытия, общего и особенного, целого и части, абстрактного и конкретного, что позволило выявить различные аспекты существования и функционирования субъективных прав в правовом регулировании.

К элементам методологии настоящего исследования относится и ряд принципов-требований к содержанию исследовательской деятельности, среди которых особо важно отметить принципы плюрализма с акцентом на различении как семантических и прагматических аспектов исследования, так и объектного и метаязыка права, рациональности, реализма, историзма, а также наблюдение, анализ, синтез, индукцию, дедукцию, моделирование, сравнение, формализацию, аксиоматизацию как общенаучные логико-алгоритмические модели получения и обработки информации.

В числе общенаучных использовались кибернетический, структурно-функциональный, системный, логические методы.

Кибернетический метод применялся автором при выявлении управленческой природы правового регулирования и правового воздействия, места и роли в нем субъективных прав.

Структурный метод применялся в исследовании структуры как правовых предписаний, так и права, проявляющейся в координационных, императивных, корреспондирующих и иных связях правовых предписаний, правовых и неправовых явлений, структуры правового регулирования и т.д. Структурный аспект непосредственно связан с функциональным, нужным для определения характера функциональных зависимостей в рамках взаимодействия выявленных структурных элементов.

При решении общеправовых проблем автор опирался на возможности системного подхода, используя научные достижения как в области теории государства и права, так и гражданского, конституционного, уголовного права и других отраслевых юридических дисциплин. В рамках системного подхода также использовались научные наработки в области логико-философских, исторических, политологических и иных исследований.

Теоретическая реконструкция возникновения, функционирования и развития государственно-правовых явлений осуществлялась автором с использованием потенциала формальной логики, модальных логик с акцентом на формально-логический дискурс-анализ правовых предписаний, интерпретируемых как деонтические модальные выражения при различении объектного и метаязыка права.

В диссертации использовались частнонаучные и специальные уровни методологии исследования, включая такие приемы и способы познания, как герменевтический, социологический, аксиологический, формально-юридический, сравнительно-правовой методы, а также различные способы и виды толкования права. В частности:

- герменевтический метод требовался при интерпретации исследуемой проблематики в контексте ухода от безличной семантики в пользу выделения субъектов правовой коммуникации и социально-обусловленного правового смыслообразования;

- применение социологического метода обусловлено элементами социологического подхода к пониманию права, что предполагает учет конкретно-исторических реальностей происхождения и действия права в контексте различных современных тенденций развития общества и ряд иных моментов;

- использование аксиологического метода позволило корректно интерпретировать проблематичность характеристики субъективных прав как свободы, уточнить определение целей и содержания правового регулирования, а также выявить и описать такой онтологический аспект бытия субъективных прав, как аксиологическая оценка, что позволило дополнить теоретическую модель их возникновения, функционирования и развития в целом и в правовом регулировании в частности;

- формально-юридический метод использовался при исследовании норм действующего законодательства и соответствующих доктринальных подходов в части выявления онтологического статуса субъективных прав, особенностей их формулирования в законодательстве, выявления специфики их связи с

юридическими предписаниями, определения особенностей проявления в них непредписывающих регулятивных свойств;

– использование сравнительно-правового метода позволило на основе сбора и обработки правовой информации выявить особенности формулировок субъективных прав как в объектном, так и в метаязыке права, их соотношения с юридическими предписаниями и связи со схожими правовыми явлениями, рассмотреть факторы, влияющие на особенности возникновения, функционирования и развития субъективных прав;

– теоретическая реконструкция в метаязыке права юридических явлений потребовала уяснения значения и смысла правовых текстов, относящихся к предмету исследования, что обусловило использование различных способов толкования объектного языка права и разъяснения выявленного значения и смысла в контексте как профессионального правосознания, так и различных политико-правовых доктрин.

Теоретической основой диссертации являются труды отечественных и зарубежных ученых-правоведов, философов, политологов, социологов, историков, представителей иных областей гуманитарного знания.

Автор опирался на работы теоретиков государства и права: Н.Н. Алексеева, И.В. Михайловского, Н.М. Коркунова, Л.И. Петражицкого, С.С. Алексеева, М.В. Антонова, Ю.Г. Арзамасова, В.К. Бабаева, М.И. Байтина, В.М. Баранова, И.Л. Бачило, С.А. Белоусова, А.М. Васильева, В.В. Введенской, Д.С. Велиевой, А.Б. Венгерова, Н.В. Витрука, Н.Н. Вопленко, Н.И. Грачева, Д.В. Грибанова, М.Л. Давыдовой, Е.С. Зайцевой, А.О. Иншаковой, О.С. Иоффе, Т.В. Кашаниной, Д.А. Керимова, А.С. Климовой, А.В. Корнева, В.Н. Корнева, В.Н. Кудрявцева, М.А. Куликова, В.В. Лазарева, Е.А. Лукашевой, О.Э. Лейста, М.Н. Марченко, Н.И. Матузова, С.М. Мироновой, И.А. Минникеса, Д.В. Пожарского, А.Г. Репьева, Р.А. Ромашова, О.Ю. Рыбакова, И.Н. Сенякина, В.Н. Синюкова, В.М. Сырых, М.Г. Смирновой, В.Д. Сорокина, В.В. Субочева, Е.В. Тимошиной, Ю.А. Тихомирова, В.В. Трофимова, Р.О. Халфиной, И.А. Честнова, М.Д. Шаргородского, В.М. Шафирова, Л.С. Явича, Р. Алекси, Р. Дворкина, М. Тропера и др.

Междисциплинарный подход в исследовании субъективных прав предопределил обращение к работам философской и логико-философской направленности, а также истории, психологии, культурологии и др. таких авторов, как К.Э. Алчурон, П. Бергер, И. Берлин, Л. Витгенштейн, Г. Х. фон Вригт, М. Вебер, Т. Гоббс, Дж. Локк, Т. Лукман, Г. Фреге, А.В. Глинчикова, А.А. Ивин, А.Г. Кислов, Е.Н. Лисанюк, В.А. Поляков, С.И. Рябов, И.В. Солонько и др.

Непосредственную основу диссертации составили посвященные вопросам субъективных прав и правового регулирования труды Л.И. Петражицкого, Г.Ф. Шершеневича, Н.Г. Александрова, С.С. Алексеева, Л.Н. Берг, Е.В. Булыгина, Н.В. Варламовой, Н.Н. Вопленко, Л.И. Глухаревой, В.М. Горшенева, Р. Дворкина, А.И. Клименко, А.В. Малько, Г.В. Мальцева, Н.И. Матузова, Л.О. Мурашко, А.В. Полякова, Т.Н. Радько, А.А. Редько, В.А. Рудковского, С.А. Сеницына, С.В. Третьякова, А.Ф. Черданцева, Л.С. Явича, Б. Виндшейда, Р. Йеринга, Г. Кельзена, Дж. Раза, Дж. Остина, Ф. Савиньи, Г. Харта и др.

Нормативно-правовую основу исследования составили международные нормативные правовые акты, Конституция Российской Федерации, законы Российской Федерации, законы субъектов Российской Федерации, подзаконные акты, иностранное законодательство.

Эмпирическую базу исследования составили официальные документы, обзоры юридической практики, решения различных судебных инстанций.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые представлена общетеоретическая разработка дискуссионной проблематики субъективных прав, позволяющая выявить их триединую природу на основании различения семантических и прагматических аспектов исследования.

Новизна также определяется особенностями авторского формулирования предмета, целей, содержанием задач, методологией и полученными результатами диссертационного исследования, обусловленными различием объектного и метаязыка права, а также использованием потенциала междисциплинарных исследований. Работа являет собой попытку оригинального комплексного теоретического переосмысления традиционных представлений о субъективных

правах как об общеправовом феномене, о месте и роли данных прав в правовом регулировании.

На основе имеющихся наработок в области теории права и отраслевых юридических дисциплин, а также логико-философских, политологических и иных исследований предложена оригинальная комплексная концепция триединой природы субъективных прав, которые проявляют себя в предписывающем правовом регулировании (выделяемом на основании оригинального авторского подхода к разграничению предписывающего и непредписывающего правового регулирования) как дублирующий или косвенный экспонент правового предписания, толкуемого в контексте оригинальной авторской модели правового семиотического треугольника, отражающего соотношение права и законодательства; в непредписывающем правовом регулировании – как непредписывающее оценочно-побуждающее указание на поведение уполномоченного субъекта.

Показано, что специфика алгоритмов преобразования управленчески значимой информации, обмен которой составляет онтологическую суть правового регулирования, выражается в наличии особых социально-правовых оценок. Данные оценки, являясь проявлением одного из аспектов бытия субъективного права, выполняют роль аксиолого-иерархического каркаса, предопределяющего не декларируемую, но реальную содержательную направленность правового регулирования, адекватно отражающего мировоззренческие, культурные, политико-идеологические и иные аспекты алгоритмов социально-правового взаимодействия и являющегося элементом концепции модели глобализации.

Предложенная модель субъективных прав формирует перспективную интегративную теоретическую платформу, позволяющую решать такие существенные научные проблемы, как (а) сближение остро конкурирующих теоретических моделей субъективных прав, отражающих представления о них как о явлениях первичного порядка во властно-автономной парадигме толкования естественности притязаний уполномоченного субъекта и как о явлениях вторичного порядка, производных от властной природы объективного права; (б) сближение доктринальных интерпретаций прав человека, основанных на

различных типах правопонимания; (в) выработка интегративных решений в дискуссиях по ценностной трактовке субъективных прав; (г) семантически корректная сравнительная интерпретация научно-теоретических конструкций субъективных прав, сформулированных в различных исторических и социокультурных контекстах; (д) преодоление односторонности существующих трактовок субъективных прав, когда данным правам приписываются характеристики, наличие которых проблематично обосновать в семантическом аспекте исследования, но не получает должного внимания ряд важных свойств указанных прав.

Решение названных проблем является основой не только усиления конструктивного потенциала существующих трактовок субъективных прав в части корректировки знаний об объективных свойствах данных прав, чем обеспечивается высокая степень преемственности научных исследований. Но предлагаемая перспективная теоретическая модель субъективного права расширяет потенциал его рассмотрения как в формально-юридическом плане, так и в информационно-коммуникативном, информационно-психологическом, структурно-функциональном и иных аспектах действия права. Это позволяет формулировать значительно обновленное содержание субъективных прав вообще и прав человека в частности, что расширяет основания рассматривать данные права, в том числе и как основу целеполагания в юридической деятельности по решению задач как внутригосударственного, так и глобального уровней значимости. Это существенно обновляет как фундамент создания концептуально-теоретических правовых основ национальной безопасности, так и теоретическую платформу для достижения новых научных результатов.

На защиту выносятся следующие положения, отражающие новизну диссертационного исследования:

1. Субъективные права нуждаются в более широком осмыслении, выходящем за пределы их трактовки как неких состояний, интересов, воли, господства, юридической власти не только в силу ряда частных неточностей, но и потому, что требуется новый подход, который бы отражал (а) роль общетеоретической юридической науки как связующего звена между

юриспруденцией и философией, которая оперирует предельно обобщающими понятиями, притом что важность использования именно таких понятий определяется необходимостью формирования фундаментальной исходной определенности для любой подлинно научной модели предмета исследования, что и позволяет адекватно развернуть теоретическую реконструкцию объективной реальности от ее наиболее общих проявлений к частным; (б) роль общетеоретической юридической науки как понятийного методологического фундамента для всех отраслевых юридических наук; а также (в) способствовал бы созданию метатеоретического инструментария для корректной интерпретации научно-теоретических конструкций субъективных прав в различных контекстах.

Обновленный подход предполагает характеристику субъективных прав через предельно обобщающие понятия информации и меры как знаковой определенности этой информации, позволяющей интерпретировать данные права как высказывания определенного вида. Такой подход также доказывает, что субъективные права, будучи явлениями информационного характера, напрямую из природы человека, из природы вещей либо какой-либо иной природы (если понимать данную природу как феномены, существующие в мире материальных, физических явлений) не выводимы, не исходят как информационные феномены.

2. Авторский подход к характеристике субъективных прав предполагает дополнение их традиционной трактовки как вида и меры возможного поведения рядом принципиальных положений.

2.1. Характеристика субъективного права как вида и меры возможного поведения при алетической и онтологической интерпретации возможности допускает аналогию возможности и разрешения лишь при использовании введенной Лейбницем константы «*vir bonus*» (нравственно идеального человека), что требует проблематичного обоснования в исторически конкретных юридических контекстах. Ряд интерпретаций принципа «*impossibilium nulla est obligatio*» («Не существует обязанности выполнить невозможное») демонстрирует не только верную взаимную зависимость возможностей и обязанностей, но также порождает противоречивые следствия при выражении разрешений через возможности.

2.2. Диалектическая интерпретация возможности (как категории, обозначающей нечто потенциальное и являющейся парной по отношению к действительности) частично отражает свойства субъективных прав, но в ряде случаев затрудняет разграничение субъективных прав и юридических запретов / обязанностей.

2.3. Характеристика субъективного права как вида и меры возможного поведения при деонтической интерпретации возможностей предполагает обоснование отхода от общенаучного принципа однозначности именования (Фреге-Рассела), а также введение уточнений, устраняющих двойственность толкования определенных юридических явлений и ситуаций.

2.4. Трактовка субъективного права как вида и меры возможного поведения в контексте установления формально-этического равенства разрешений и возможностей требует специальных уточнений, различающих неделание и воздержания от действия.

2.5. Семантический аспект исследования затрудняет определение субъективного права как меры свободы при характеристике позитивной свободы как возможности в любой интерпретации возможности.

3. Определение субъективных прав как меры позитивной либо негативной свободы в прагматическом аспекте теоретической реконструкции субъективного права выводит область интерпретации понятия «свобода» из ограничений семантической плоскости исследования, порождая фактически неограниченное множество вариантов интерпретации данного понятия. При этом ни методологический монизм, ни методологический плюрализм не позволяют избежать противоречивых коннотационных контекстов толкования понятия «свобода», фактически превращенного в идеологему, что в совокупности с конкретно-исторической практикой использования данной идеологемы допускает манипулятивное деструктивное использование метаязыка права.

4. Существенно дополняется аргументация проблематики отнесения к правовым предписаниям дозволяющей нормы права и субъективного права, интерпретируемого как диспозиция такой нормы.

4.1. Фундаментальной теоретической предпосылкой установления наличия или отсутствия нормативного характера субъективных прав является определенность в выборе варианта интерпретации нормативности на том методологическом основании, что нормативность-повторяемость (нормальность) и прескриптивная нормативность друг к другу не сводимы при рассмотрении их связи в семантическом аспекте исследования. В прагматическом же аспекте подобная несводимость нецелесообразна как в силу неточностей в интерпретации детерминант правогенеза, так и в силу специфичности апологетики государственно-правового управления в отдельные периоды истории.

4.2. Отнесение дозволяющей нормы права к предписаниям, а также субъективных прав к нормативным, равно как к индивидуализирующим юридическим предписаниям через узкий системный контекст определимости юридических разрешений, запретов и обязанностей, приводит к отрицанию прескриптивности субъективных прав через отрицание правовых модальных операторов, а также к наделению данных прав значениями истинности, выходящими за пределы классической концепции истины.

4.3. Взаимная определимость юридических разрешений, запретов и обязанностей в узком системном контексте приводит к появлению взаимно противоречивых трактовок относительно предписываемого поведения. Также любая норма права в логическом аспекте своего происхождения есть семантический симбиоз аксиологических оценок. Это выражено в таком признаке нормы права, как ее санкционная защита, что неприменимо ни к управомачивающим нормам, ни, соответственно, к субъективным правам.

4.4. Проблематичность прескриптивности управомачивающих норм и, соответственно, субъективных прав выражается и в том, что в них предписывается одновременно и поведение, и его отрицание, интерпретируемое как воздержание от данного поведения, что нивелирует суть предписания. Наделение дозволяющих правовых норм и, соответственно, субъективных прав предписывающим характером проблематично также в силу невозможности нарушить такое псевдопредписание, притом что данная ненарушимость

противоречит определенным следствиям из принципа «*impossibilium nulla est obligatio*».

5. Решение задач иерархизации юридических нормативных систем посредством использования субъективных прав, толкуемых как разрешение (Е.В. Булыгин), не оправдывает наделение данных прав прескриптивными свойствами, поскольку (а) прескриптивная трактовка субъективных прав как правотворческих полномочий не вполне верна независимо от того, относим мы субъективные права к разрешениям слабого либо же к разрешениям сильного типа; (б) прескриптивная трактовка субъективных прав в контексте понимания их как делегированных правотворческих полномочий в модели нормативных систем не вполне корректна; (в) задачи иерархизации юридических нормативных систем корректно решаются посредством использования юридических обязанностей / запретов.

6. Правомочие положительной деятельности является указанием на юридически непредписанное поведение в пределах, не переходящих границы, установленные правовыми запретами / обязанностями, а потому между субъективными правами и юридическими обязанностями / запретами не существует системной связи в широком контексте. В силу этого подобная связь не доказывает наличия у субъективных прав прескриптивной нормативной природы. Доводы о существовании общедозволительного типа правового регулирования проблематичны для доказывания наличия собственных нормативных предписывающих свойств у субъективного права в том случае, если эти доводы основаны на идее о соотношении прав и обязанностей в контексте выделения общего дозволения и общего запрета, притом что такие дозволения и запреты являются не алгоритмически необходимыми конструкциями объектного языка права, а спорными конструкциями метаязыка права.

7. Предложена новая концепция соотношения права и законодательства, основанная на модели правового семиотического треугольника, где выделяются правовой экспонент (знак права), правовой десигнат (смысл права) и правовой денотат (значение права), что позволяет корректно установить онтологический статус субъективного права как объективного законодательного феномена – правового экспонента. При этом предлагаемая диссертантом обновленная

интерпретация правовой санкции, свободная от неточностей традиционной юридической теории, позволяет трактовать санкционную защиту юридических норм как индикатор юридической прескриптивной содержательности субъективного права как особого законодательного текста – правового экспонента. Такой подход создает предпосылки для новой теоретической основы совершенствования юридической деятельности, позволяя выявлять дефекты государственного управления и правового регулирования, выражающиеся в проблеме необеспеченных субъективных прав, в том числе прав человека. Неверно утверждение, что законодатель сформировал или сформулировал субъективное право, в том числе признал / имплементировал права человека, если данные субъективные права не являются дублирующим или косвенным экспонентом юридического предписания, реальная содержательность которого отражена в его санкционной защите, выражающей также императивную системность права.

8. Обоснована целесообразность такого различения предписывающего и непредписывающего правового регулирования, которое бы позволяло обойти неточности существующих в юридической науке представлений о различии правового регулирования и правового воздействия, выражающиеся в тенденции к смешению различных аспектов правового регулирования / воздействия, а также различных этапов алгоритмов протекания данных процессов. Непредписывающее правовое регулирование – это осуществляемое через непредписывающие правовые средства в рамках прямых и обратных, положительных и отрицательных связей, непосредственное и опосредованное культурно-идеологическое влияние права на сознание и волю людей для таких упорядочения, охраны и развития общественных отношений, которые содержательно обусловлены основными целями субъекта публичного управления и (соподчиненными им) инструментальными целями иных субъектов, чья деятельность осуществляется в интересах субъекта-управленца в реальной иерархии управления государством. Место субъективных прав в предписывающем и непредписывающем правовом регулировании предложено

определять через сущностный, структурно-функциональный, информационно-коммуникативный и информационно-психологический аспекты.

9. Предлагается авторское определение субъективного права, отражающее его триединую природу.

Это юридически закрепленное непредписывающее оценочно-побуждающее указание на поведение уполномоченного субъекта, а также дублирующий либо косвенный экспонент юридической обязанности / запрета такого поведения ответного субъекта, которое алгоритмически необходимо для осуществления поведения уполномоченного субъекта в контексте установленной субъектом правотворчества модели социального взаимодействия. Такая трактовка, отражая место и роль субъективных прав в различных аспектах и алгоритмах функционирования правового регулирования, формирует перспективную интегративную теоретическую платформу, позволяющую корректно интерпретировать и объединять издавна конкурирующие теоретические модели субъективных прав, а также предполагает не только расширение теоретических основ совершенствования специально-правовых гарантий правообеспечительной деятельности, но и выход на социально-психологические детерминанты выбора правового экспонента в ходе правотворчества, что является теоретико-методологическим основанием для определения места и роли субъективных прав в предписывающем и непредписывающем правовом регулировании.

10. Аргументировано, что субъективные права являются особыми социально-правовыми оценками, отражающими разнообразие алгоритмов преобразования управленчески значимой информации, обмен которой составляет онтологическую суть как правового регулирования. Интерпретация этих оценок в структурно-функциональном аспекте правового регулирования позволяет отнести к их предметам параметры протекания социальных процессов. К таким контрольным и управляемым параметрам, а также к средствам изменения управляемых параметров относятся обладание неким благом; собственное поведение; воздержание третьими лицами от определенного поведения; совершение со стороны третьих лиц определенного поведения; деятельность правоприменителя по обеспечению совершения и / или воздержания от

соответствующего поведения в рамках определенной модели социального взаимодействия.

10.1. Обосновано, что различение оценок объективной пользы и оценок субъективных предпочтений позволяет корректно решить проблему ценностной интерпретации субъективных прав.

10.2. Аргументировано, что субъективные права в предписывающем правовом регулировании интерпретируются в одном из своих онтологических аспектов как социально-правовые оценки *pre legem*, алгоритмически предшествующие позитивному праву так, что семантический симбиоз данных оценок порождает правовые обязанности / запреты.

10.3. Аргументировано, что субъективные права являются в одном из своих онтологических аспектов социально-правовыми оценками *ante legem* (предшествующими позитивному праву, хотя и не порождающими правовые обязанности / запреты), но имеющими непредписывающие регулятивные свойства. Данные оценки способствуют формулированию в метаязыке права уточненной теоретической реконструкции пробельности права независимо от того, считать ли пробелы в праве реальным явлением или нет, причем как в предписывающем, так и в непредписывающем правовом регулировании. Естественнo-правовой подход о дуализме права допустимо интерпретировать как вопрос о выделении в множестве оценок *ante legem* подмножества потенциальных оценок *pre legem*.

10.4. Аргументировано, что субъективные права являются в одном из своих онтологических аспектов в непредписывающем правовом регулировании социально-правовыми оценками *post legem* (существующими после права), могут иметь как позитивное, так и негативное содержание и лежат в основе отмененных правовых норм в правовой системе одного государства.

10.5. Аргументировано, что субъективные права, интерпретируемые в одном из своих онтологических аспектов в непредписывающем правовом регулировании как социально-правовые оценки, существующие параллельно праву, выражены как оценки *praeter legem*, лежащие в основе правовых норм в

правовых системах других государств и могущие иметь как позитивное, так и негативное содержание.

10.6. Аргументировано, что субъективные права, являющиеся в одном из своих онтологических аспектов в непредписывающем правовом регулировании социально-правовыми оценками *secundum legem*, отражают ту модель социального взаимодействия, которая заключена в формулировке действующих субъективных прав, и предметом этой оценки является выраженное в правомочиях притязающего субъекта юридически закрепленное, но непредписывающее побуждающее указание на поведение данного субъекта.

11. Рассмотрение субъективных прав как оценок *ante, pre, praeter, post, secundum legem* через призму уточненного сущностного, информационно-коммуникативного, информационно-психологического и структурно-функционального аспекта правового регулирования позволяет уйти от гипостазирования о первичности прав человека в правогенезе при их традиционных трактовках. Формирование научно обоснованной системы оценок как элемента информационно-культурного влияния права с различением как позитивно ценных лишь тех факторов, которые объективно полезны и алгоритмически необходимы для выживания и развития народа с сохранением его национально-культурной идентичности, есть создание (а) непротиворечиво целеориентированной системы правовых норм (через алгоритмику семантических симбиозов оценок); (б) фундамента эволюционности правового развития, независимого от конкуренции и смены парадигм метаязыка права; (в) национально ориентированной доктринальной основы правопорядка как его фундаментальной гарантии и элемента концептуальной основы национальной безопасности; (г) основы целеполагания в государственных стратегических программах и национальных проектах; (д) элемента концепции альтернативной модели глобализации.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

В результате проведенного исследования выработана совокупность новых теоретико-правовых положений, обосновывающих комплексный, многоаспектный характер субъективных прав как общеправового феномена,

оказывающего существенное влияние на возникновение, функционирование и развитие всех элементов механизма действия права. Представленные в диссертации положения и выводы вносят заметный вклад в формирование общетеоретической концепции субъективных прав, объективного и субъективного в праве, его месте в правовом регулировании, способствуют развитию методологии научных исследований в указанной сфере, интенсификации и повышению эффективности междисциплинарных связей.

Настоящее исследование является важным шагом на пути формирования теоретических представлений о юридической природе субъективных прав как о дублирующем или косвенном экспоненте правовых предписаний, что послужит одной из теоретических основ правообеспечительной деятельности, поскольку позволит выявлять дефекты государственного управления и правового регулирования, выражающиеся в появлении субъективных прав, в том числе прав человека без соответствующего механизма их обеспечения и защиты. Авторская модель формулирования правовых предписаний через такое их законодательное выражение, как субъективные права, создает дополнительные теоретические предпосылки выявления неточностей в различении и оценке типов правового регулирования.

Представление о субъективных правах, выраженных как система оценок, отражающая управленческую природу правогенеза, внесет вклад в создание рационального фундамента такой идеологической интерпретации данных прав, которая объективно и системно реконструирует мировоззренческие, культурные, политико-идеологические и иные аспекты алгоритмов социального взаимодействия.

Предложенная модель субъективного права, совмещающая представления о нем как об элементе не только предписывающего, но и непредписывающего правового регулирования, формирует перспективную интегративную теоретическую платформу, позволяющую не только корректно интерпретировать, но и объединять издавна конкурирующие теоретические реконструкции субъективных прав, отражающие представления о них как о правовых явлениях первичной реальности, первичного порядка во властно-автономной парадигме

толкования притязаний уполномоченного и как о явлениях вторичного порядка, производных от властной природы объективного права, задающего искусственный характер связи определенных социальных явлений. Это особенно значимо и практически востребовано в связи с тем, что решение существенной части правовой проблематики предопределено направленностью, спектром и мерой конвенциональности выводов, полученных по итогам таких важнейших правовых дискурсов, как сочетание свободы с порядком, ответственностью, справедливостью.

Результаты исследования могут найти применение:

- в научно-исследовательской деятельности при разработке на интегративной междисциплинарной основе общетеоретических и межотраслевых проблем субъективных прав и правового регулирования как элемента социального управления, в том числе и при совершенствовании метатеоретического инструментария для корректной интерпретации научно-теоретических конструкций данных прав в различных исторических и социокультурных контекстах; сближения конкурирующих теоретических моделей субъективных прав; выработки интегративных решений в дискуссиях по ценностной трактовке этих прав;

- в учебном процессе при преподавании теории государства и права, соответствующих спецкурсов и отраслевых юридических дисциплин, а также при формировании профессионального правосознания сотрудников правоохранительных органов вообще и сотрудников полиции в частности;

- в правовоспитательной работе органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и негосударственных учреждений и общественных организаций;

- в практической юридической деятельности по наиболее эффективному изданию, толкованию, реализации, применению норм права, формированию целеполагания в государственных стратегических программах и национальных проектах, а также в деятельности по оптимизации процессов взаимодействия органов публичной власти с гражданами и институтами гражданского общества.

Степень достоверности и апробация результатов диссертационного исследования. Результаты диссертационного исследования обсуждены и одобрены на заседании кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России. Положения диссертации внедрены в деятельность Следственного Департамента МВД России, в учебный процесс ряда образовательных организаций и используются при преподавании курса «Теория государства и права».

Основные положения диссертации нашли свое отражение в двух монографиях: «Юридическая природа субъективных прав: проблемы теории» (Волгоград, 2020), «Права человека в правовом регулировании: теоретический анализ» (Волгоград, 2024).

Основные научные результаты диссертации получили апробацию в 47 публикациях, в том числе в 35 статьях, опубликованных в изданиях, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук и на соискание ученой степени доктора наук.

Структура и объем работы. Структура диссертационного исследования обусловлена его целью и задачами. Диссертация состоит из введения, шести глав, включающих двадцать пять параграфов, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертации, определяются степень ее научной разработанности, объект, предмет, цель исследования, ставятся задачи, дается краткая характеристика теоретико-методологической основы исследования, формулируются новизна полученных результатов, их научно-практическая значимость, фиксируются основные положения, выносимые на защиту, приводятся данные об апробации результатов исследования.

Первая глава «Онтологический статус субъективных прав: методологические основы теоретической реконструкции» посвящена

формированию методологических предпосылок для уточненной теоретической реконструкции онтологического статуса субъективных прав.

В первом параграфе «Онтология субъективных прав: предварительные замечания» формулируются общие предпосылки теоретической реконструкции субъективных прав.

Автор утверждает, что неточности и неполнота общеправовых и отраслевых исследований проблематики субъективных прав во многом обусловлены недостаточным вниманием к различению политико-прагматического и логического подхода к изучаемым явлениям, что восходит к проблематике доминирования так называемого «старого метода» *mos italicus* (итальянское обыкновение (изучения права)), сформировавшегося еще в ходе университетской рецепции римского права и ярко выраженного в *Glossa Ordinaria* (Аккурзия). Популярность подобного метода была во многом обусловлена и тем, что «папская революция», реформация, английская, французская (1789 г.), американская (1776 г.) и (с оговорками) российская (1917 г.) революции не только серьезно изменяли государственно-правовую действительность, но и требовали также ее легитимации. Эту легитимацию в политико-идеологическом контексте метаязыка права зачастую было принято проводить через цитатно-догматический подход в обращение к канону «священных текстов» римского права. С логическим подходом в гораздо большей степени схож «новый метод» *mos gallicus* (галльское обыкновение (изучения права)).

Автор полагает, что выбор средств познания, выражающих, скорее, гносеологическую, нежели политико-прагматическую функцию общетеоретической юридической науки, позволяет более четко устанавливать логические основания для выявления онтологического статуса субъективных прав.

По результатам исследования диссертант делает выводы:

1. Субъективные права не являются состояниями, интересами, волей, господством, юридической властью либо комбинациями названных характеристик не только в силу ряда частных неточностей, но и потому, что здесь не используются термины максимально высокого уровня обобщения.

2. В семантическом аспекте исследования онтологический статус субъективных прав характеризуется посредством терминов максимального уровня обобщения как информация.

3. Термин «мера» как имеющий предельный уровень обобщения пригоден для характеристики субъективных прав как информации и предполагает знаковую определенность данной информации, что позволяет описывать субъективные права как определенные высказывания.

4. Отнесение субъективных прав к высказываниям создает предпосылки для ухода от гипостазирования при решении вопроса о естественности происхождения некоторых субъективных прав (например, прав человека) в пользу научно-семантической корректности решения данного вопроса при исследовании генезиса указанных прав, но именно в аспекте выводимости одних высказываний (информации) из других, а не выводимости информации из природы вещей, природы человека, природы отношений (и т.д.) при устранении неопределённости толкования соответствующей природы в нерелигиозном контексте через материальный аспект реальности.

Во втором параграфе «Субъективные права как информационный феномен: направления выбора информационного статуса» автор обосновывает идею о том, что теоретическую реконструкцию информационного статуса субъективных прав в смысловом поле максимально обобщающих понятий необходимо проводить через поиск допустимости признания их высказываниями, а затем, отталкиваясь от этого, следует определить, какие именно это будут высказывания.

Диссертант аргументирует теоретическую позицию, что субъективные права следует относить к высказываниям оценочного характера, хотя привычная законодательная формулировка данных прав делает их схожими с дескрипциями. Решение этой проблемы предполагает разделение правовых норм *de re* и норм (нормативные высказывания) *de dicto*. Нормы *de dicto*, называемые иногда (дескриптивными) нормативными предложениями (Е.В. Булыгин), «*Rechtssatz*» (Г. Кельзен), – это указание на нормы *de re* в форме описания последних, дескрипция (описание) прескрипции (предписания). Дальнейший поиск

информационной природы субъективных прав будет проходить в определении оснований для признания их нормами *de re*.

Таким образом, исследователь делает вывод, что субъективные права в семантической плоскости исследования их онтологического статуса есть ценностные модальные суждения.

В третьем параграфе «Субъективные права как ценностные модальные суждения о возможности: диалектическая, алетическая, онтологическая и деонтическая (юридическая) интерпретации» автор отмечает, что в правовой литературе распространены подходы к характеристике субъективных прав в качестве возможностей (меры возможного поведения), причем связывание субъективных прав с возможностями осуществляется как напрямую, так и через их трактовку как свободы при толковании (позитивной) свободы как возможности. Диссертант подчеркивает, что характеристика субъективных прав как высказываний о возможностях, хотя и конструктивна в аспекте использования терминов высокого уровня обобщения, но снижается в ряде других аспектов.

Трактовка субъективных прав как возможностей в диалектической интерпретации проблематична, так как фактически проводимое в ней отождествление потенциального и возможного позволяет трактовать как возможность также обязательное и запрещенное поведение, что уравнивает субъективные права с юридическими запретами и обязанностями.

Использовании алетической и онтологической интерпретации возможностей требует (вслед за Г. Лейбницем) введения такого допущения, как константа «*vir bonus*», что неприменимо к юридическому контексту, потому что не соответствует реальным характеристикам адресатов правовых предписаний.

Понимание возможности как полного аналога разрешения при деонтической трактовке проблематично в контексте исследования правоприменительной практики. Принцип «*impossibilium nulla est obligatio*» также показывает, что отождествление субъективного права с возможностью порождает, например, правомочие к запрещенному поведению, что делает соответствующую

нормативную систему и неразумно выстроенной, и принципиально нереализуемой.

Отождествление «юридических» возможностей и разрешения нарушает принцип однозначности именования (принцип Фреге – Рассела) как основы построения любой научной теории.

На основании изложенного сделаны выводы:

1. Субъективные права следует рассматривать за пределами представлений о них как о виде и мере возможного поведения, как высказывания о возможном в диалектической, алетической, онтологической, деонтической интерпретации возможности, а также в аспекте формально-этического равенства разрешенного и возможного.

2. Семантический аспект исследования затрудняет трактовку субъективного права как меры свободы при интерпретации свободы как возможности.

В четвертом параграфе «Субъективные права как ценностные модальные суждения: связь со свободой в прагматическом аспекте исследования» автор указывает, что ограничиваться семантическим аспектом исследования трактовки субъективных прав как свободы даже в критическом контексте не вполне корректно в силу нетривиальности вопроса о данной взаимосвязи и проблематичности фокусировки научного внимания исключительно на логической формализации свободы. В силу этого диссертант обращается к прагматическому аспекту исследования связи субъективных прав и свободы, отражающему политико-идеологический контекст данной связи.

Диссертант показывает, что идеологический аспект связи субъективных прав со свободой ведет к методологическим проблемам, которые во многом порождены заменой в юридических науках дедуктивно-номологического объяснения пониманием, причем вольно трактуемым, с приоритетом его толкования как интуитивного улавливания ценностных предпочтений соответствующей аудитории.

Автор приходит к выводам:

1. Выведение области интерпретации понятия «свобода» из ограничений семантического аспекта научно-юридического исследования породило

фактически неограниченное множество вариантов интерпретации данного понятия.

2. Ни методологический монизм, ни методологический плюрализм не позволяют избежать противоречивых коннотационных контекстов толкования понятия «свобода», фактически превращенного в идеологему, что в совокупности с конкретно-исторической практикой функционирования этой идеологемы допускает манипулятивное деструктивное использование метаязыка права.

Во второй главе «Проблемы нормативной природы субъективного права: методологические основы теоретической реконструкции», состоящей из двух параграфов, рассматриваются методологические основания, позволяющие корректно выявить реальный нормативно-регулятивный потенциал субъективных прав, избегая неполноты и неточностей, присущих предшествующим научным изысканиям по данной проблематике.

В первом параграфе «Нормативность права и правовая нормативность: семантический аспект исследования» автор выявляет тот факт, что в юридической науке нормативность права принято рассматривать двояко и это отражает двойственность толкования термина «норма». Это и технико-юридическая специфика формулирования правовых предписаний, и особая повторяемость поведения людей, входящего в предмет правового регулирования.

Диссертант доказывает, что объединение двух подходов к интерпретации нормативности в широкой и узкой трактовке социальной нормы не вполне верно в семантическом аспекте рассмотрения. В противном случае речь фактически будет идти о родовидовом делении понятия «норма», что недопустимо, поскольку в данном случае это сравнение явлений, онтологический статус которых проявлен в совершенно различных аспектах реальности: в материальном (если говорить о типичности поведения) и в информационном.

Сочетание двух подходов интерпретации нормативности в праве через их взаимную выводимость также проблематично в семантическом аспекте в силу принципа Д. Юма, а также из-за ограниченности связи алетических и правовых модальностей.

Таким образом, диссертант делает выводы:

1. Существуют два различных понятия «норма»: (а) как правила поведения и (б) как описание некоего типичного, массовидного процесса, то есть совершенно различны как смысл, так и значение (объем) этих понятий. В семантическом аспекте проблематично утверждать, что одно из этих понятий уже либо шире другого, или же говорить о «различных аспектах» одного явления (правовой нормы).

2. Наделение субъективных прав свойствами нормативности на основании «широкой трактовки» нормативных предписаний не является основанием для характеристики субъективных прав как ценностных модальных суждений.

В параграфе 2 «Нормативность права и правовая нормативность: прагматический аспект исследования» диссертант обращает внимание на то, что прагматический контекст рассмотрения нормативности предполагает особую интерпретацию объективности права и типичности, когда типичность зачастую интерпретируется как объективная необходимость. Это фактическое признание нормативности-типичности (массовости) детерминантой прескриптивной нормативности, что проблематично обосновать при строгой интерпретации причинности.

Таким образом, диссертант делает следующие выводы:

1. Исключение взаимной вложенности значений и смысла понятия «норма», т.е. исключение узкого или широкого понимания нормативности (в рассмотренных вариантах их толкования) требует вполне определенного, четкого указания на избираемый вариант интерпретации понятия «норма» и, соответственно, понятия «нормативность».

2. Основания для надления субъективных прав свойством нормативности при рассмотрении связи различных вариантов интерпретации нормативности в прагматической плоскости зависят от особенностей апологетики деятельности субъекта правотворчества.

3. В настоящем исследовании норма права будет пониматься исключительно как высказывание (предложение) предписывающего характера, сформулированное особым образом: имеющее общий характер. Соответственно, и нормативность, и

нормативный характер (и т.п.) будут пониматься в его прескриптивном варианте толкования.

В третьей главе «Проблемы нормативной природы субъективного права: семантический аспект исследования» диссертант рассматривает обоснованность построения теоретической модели субъективного права как прескриптивного регулятора поведения.

В первом параграфе «Проблемы нормативности субъективного права: взаимная определимость правовых предписаний» диссертант в целях выявления прескриптивных свойств субъективных прав рассматривает взаимную определимость юридических разрешений, запретов и обязанностей в узком системном контексте, из чего делает выводы:

1. Если правовую нормативность интерпретировать прескриптивно, то взаимная определимость правовых предписаний в узком системном контексте приводит к отрицанию прескриптивности субъективных прав через отрицание правовых модальных операторов, а также к наделению данных прав значениями истинности, выходящими за пределы классической концепции истины.

3. Проблематичность отнесения юридических разрешений к юридическим предписаниям обусловлена и тем, что взаимная определимость юридических разрешений, запретов и обязанностей в узком системном контексте приводит к появлению взаимно противоречивых трактовок относительно предписываемого поведения.

Во втором параграфе «Проблемы нормативности субъективного права: юридическое разрешение и юридическая непредписанность» диссертант сравнивает дозволение и отсутствие правовых предписаний на основе исследования различных формулировок принципа деонтической полноты в совокупности с моделью норм как таковых (норм *de re*) и их описаний (норм *de dicto*) и делает выводы:

1. Интерпретация субъективного права как эксплицитного (сильного) разрешения не указывает на прескриптивные свойства данного права, поскольку в субъективном праве правомочие положительной деятельности в пределах определенных правовыми запретами / обязанностями границ не относится

к поведению, предписанному субъективным правом. Выход субъекта положительной деятельности за пределы границ, определенных правовыми запретами / обязанностями, также неверно относить к поведению, предписанному субъективным правом, поскольку подобное поведение предписывается юридической обязанностью / запретом.

2. Субъективное право при его понимании как дерогационного разрешения не является предписанием, поскольку такое «разрешение» есть условное обязывание.

3. Интерпретация субъективного права как дерогационного разрешения не придает собственно разрешению прескриптивные свойства, но фактически превращает его в условное обязывание.

В третьем параграфе «Юридическое разрешение и юридическая непредписанность в связи с проблемой идентификации типов правового регулирования» диссертант утверждает, что обращение к контексту идентификации типов правового регулирования (общедозволительный и разрешительный) оправдано тем, что в семантическом аспекте исследования любой из выделяемых режимов допустимо характеризовать любой из формул («Разрешено все, что не запрещено» и «Запрещено все, что не разрешено»). Различие правовых режимов / типов правового регулирования имеет в традиционном подходе не столько логико-семантическое, сколько политико-прагматическое обоснование, причем не вполне удачно выстроенное.

Исходя из этого диссертант делает выводы:

1. Разрешение, толкуемое как отсутствие запрета, не является прескрипцией в ситуации с моделью слабого разрешения, притом что в юридическом контексте конструкция слабых разрешений представляется нецелесообразной в силу ее несоответствия концепции ограниченности предмета правового регулирования.

2. Использование моделей «Разрешено все, что не запрещено» и «Запрещено все, что не разрешено» для характеристики разрешительного и общедозволительного типов правового регулирования представляется уязвимым в ряде контекстов и не доказывает наличие собственных предписывающих

свойств ни у дозволяющих норм права, ни, соответственно, у субъективного права, относимого к содержанию диспозиции указанных норм.

В параграфе 4 «Проблемы нормативности субъективного права: правовое разрешение-полномочие» автор рассматривает приемлемость особой трактовки предписывающих свойств субъективных прав как выражения (а) наличия исходного полномочия по изданию норм, (б) авторизации (передачи полномочия издавать нормы), а также (в) установления иерархии между несколькими нормативными системами (Е.В. Булыгин).

Диссертант делает выводы:

1. Выделение якобы таких специфических функций субъективных прав, как правотворческое уполномочивание, авторизация и иерархизация нормативных правовых систем, не оправдывается уникальностью этих функций, поскольку они реализуются юридическими обязанностями (запретами).

2. Выделение якобы таких специфических функций субъективных прав, как правотворческое уполномочивание, авторизация и иерархизация нормативных правовых систем, проблематично рассматривать как дополнительные основания для наделения субъективных прав самостоятельными нормативно-предписывающими свойствами.

В пятом параграфе «Проблемы нормативности субъективного права: взаимная связь прав и обязанностей» диссертант исследует так называемую корреспондирующую связь субъективных прав и юридических обязанностей для решения вопроса о наличии у субъективных прав собственных предписывающих свойств и делает выводы:

1. Семантический аспект исследования корреспондирующей связи прав и обязанностей показывает, что прескриптивной самодостаточностью обладают лишь обязанности / запреты, поскольку только они, но не субъективные права, являются самостоятельными правовыми предписаниями

2. Субъективное право не является правовым предписанием, поскольку, в отличие от правовых запретов / обязанностей, не является семантическим симбиозом аксиологических оценок, который проявляется в наличии у правовой нормы-предписания такого признака, как санкционная защита.

3. Субъективное право, интерпретируемое как дозволение / разрешение в форме любого из своих правомочий / притязаний как структурных элементов, есть лишь специфический способ указания на предписание.

4. Прагматический контекст исследования показывает, что субъективное право особым образом проявляет себя в рамках механизма социально-правового взаимодействия, поскольку указание на обязательное / запрещенное поведение исходит из социально-конкретного содержательного рассмотрения субъективного права, когда корреспондирующее поведение должно сопутствовать дозволенному, представляя собой один из неотъемлемых элементов содержания бинарных отношений.

5. Выводы об отсутствии у субъективных прав собственной прескриптивной природы означают не десакрализацию данных прав, но лишь подготовку теоретического фундамента для поиска их подлинного регулятивного потенциала, открывающегося исследователю лишь при использовании комплексного многоаспектного подхода, когда эти права рассматриваются не только в формально-юридическом плане, но и в аспекте социально-психологического механизма мотивационной, информационной, воспитательной и прочих сторон действия права.

В четвертой главе «Поиск сферы бытия субъективного права: соотношение права и законодательства» в целях установления адекватной корреляции метаязыка и объектного языка права диссертант выстраивает теоретическую реконструкцию субъективного права в контексте обновленной модели соотношения права и законодательства, что позволяет отнести субъективное право, не являющееся самостоятельным прескриптивным правовым регулятором, к особому законодательному феномену.

В первом параграфе «Система права и система законодательства: проблемы объективности системы права» автор указывает, что корректная теоретическая модель субъективного права как не правового, но законодательного феномена может быть выстроена лишь при обновлении подхода о соотношении системы права и системы законодательства. Для этого следует отойти от толкования объективности права, восходящего к проблематике легитимации

права и государства, призванного отразить идею о том, что законодатель несвободен в формировании права, но институализирует объективно сложившиеся модели социального взаимодействия.

Помимо этого, диссертант рассматривает объективность права в аспекте рационализации практического действия юридических норм (М. Вебер), единственно верного (правильного, истинного) решения правового спора (Д. Бринк, Р. Дворкин, Б. Лейтер и др.) либо единственного варианта истинности дескриптивных нормативных предложений метаязыка права (Е.В. Булыгин), и делает выводы:

1. Наделение права / системы права свойствами объективности требует четкого пояснения, как именно толкуется объективность в избранном контексте исследования.

2. Если учитывать фундаментальную философско-методологическую нагрузку термина «объективность», то представляется совершенно нецелесообразным присущее некоторым юридическим контекстам изменение содержания данного термина на фактически противоположное общепринятому.

3. Ни один из имеющих широкое распространение в юриспруденции вариантов интерпретации объективности права / системы права не дает оснований утверждать, что право (равно как и система права) являются чем-то более объективным, нежели законодательство (равно как и система законодательства).

В параграфе 2 «Соотношение права и законодательства: методологические основы рассмотрения через модель семиотического треугольника» диссертант настаивает, что использование понятий «форма» и «содержание» для установления соотношения системы права и системы законодательства может быть конструктивным при устранении существующих неточностей и использовании нового подхода. Суть предлагаемого в работе оригинального для юридической науки подхода заключается в интерпретации особенностей информационной и языковой природы права через модель семиотического треугольника в русле социально обусловленного смыслообразования и инструментальной теории знаков Л. Витгенштейна, что

позволяет снимать примат дескриптивной интерпретации языковых выражений, находить смысл именно юридических предписаний.

Диссертант делает выводы:

1. Понимание права как системы норм права, а законодательства – как системы форм права наиболее точно выражает идею о том, что право и законодательство соотносятся как содержание и форма.

2. Интерпретация соотношения права и законодательства как содержания и формы делает проблематичными суждения о совпадении / несовпадении / пересечении объемов понятий «право» / «законодательство» либо «отрасль права» / «отрасль законодательства»

3. Наиболее точно право и законодательство описываются через модель правового семиотического треугольника, в котором выделяются знак права (правовой экспонент, законодательство), смысл права (правовой десигнат) и значение права как правовой денотат.

4. Любое правовое предписание – это единство знака, значения и смысла права. Субъективное право в представленной модели является законодательным феноменом как экспонентом (знаком) объектного языка права.

В параграфе 3 «Соотношение права и законодательства через модель семиотического треугольника: проблема единственности правового смысла» автор в целях обоснования работоспособности теоретической модели правового семиотического треугольника, где субъективное право, будучи законодательным феноменом, репрезентирует правовые значение и смысл, исследует широко представленные в юридической науке аргументы в пользу как единственности, так и множественности вариантов толкования права.

Диссертант делает вывод, что наиболее сообразной существующей правовой действительности представляется репрезентируемая субъективным правом в модели правового семиотического треугольника плюралистичность прескриптивного смысла (десигната) права, если его рассматривать вне контекста интересубъектной (аксиологически) ценностной единственности.

В параграфе 4 «Соотношение права и законодательства через модель семиотического треугольника: проблема конвенционального ограничения

множественности правовых смыслов» в целях обоснования работоспособности теоретической модели правового семиотического треугольника, где субъективное право, будучи законодательным феноменом, репрезентирует правовые значение и смысл, автор исследует приемлемость идеи ограничения множественности правовых смыслов.

Диссертант делает вывод, что модель с конвенциональной схемой образования смысла права в ситуации с терминами точной интерпретации устраняет проблему неограниченности множества репрезентируемых субъективным правом смыслов в практическом аспекте, хотя и не решает проблему единственности смысла (десигната) права окончательным образом.

В параграфе 5 «Соотношение права и законодательства через модель семиотического треугольника: проблема доминантного ограничения множественности правовых смыслов» автор рассматривает идеи ограничения множественности правовых смыслов в целях обоснования работоспособности теоретической модели правового семиотического треугольника, где субъективное право, будучи законодательным феноменом, репрезентирует правовые значение и смысл.

Диссертант приходит к выводу, что модель с доминантной схемой образования смысла права создает предпосылки устранения проблемы неограниченности множества репрезентируемых субъективным правом смыслов через актуализацию единственного правового смысла при проявлении государственной власти как реализуемой в конкретно-исторической практике способности управлять.

В параграфе 6 «Соотношение права и законодательства через модель семиотического треугольника: реализуемость права как правовой денотат» автор описывает предложенную им оригинальную конструкцию правового денотата в целях обоснования работоспособности теоретической модели правового семиотического треугольника, где субъективное право, будучи законодательным феноменом, репрезентирует правовые значение и смысл.

Из изложенного следуют выводы:

1. Основой актуализации единственности правового смысла, репрезентируемого субъективным правом, является в юридической плоскости реализуемость права как основание его действительности, что в аспекте государственного управления проявляется и как юридический показатель наличия государственного суверенитета.

2. Норма права есть особое триединство знака, значения и смысла, а субъективное право при этом является не самостоятельным правовым предписанием, но экспонентом права, отражающим его значение и смысл, что не выражает и не отражает корреспондирующей, функциональной или иной зависимости субъективных прав от правовых обязанностей / запретов.

В пятой главе «Субъективное право и нормативное правовое предписание: механизм сочетания» диссертант при рассмотрении нормы права через модель правового семиотического треугольника исследует механизм наделения субъективного права свойствами прескриптивной нормативности.

В первом параграфе «Субъективное право как дублирующий или косвенный экспонент нормативного юридического предписания» исследователь утверждает, что действующее законодательство дает примеры формулирования субъектом правотворчества норм права как с использованием знака права в форме субъективных прав, так и без использования именно такого знака.

Из изложенного следуют выводы:

1. Субъективное право, будучи законодательным текстом, указывает как на юридически непредписанное поведение, так и на юридически обязательное поведение ответного субъекта.

2. Верификацией как отсутствия предписывающих свойств у сформулированных законодательных положений, так и наличия правовых предписаний без прямых законодательных текстуальных формулировок является правовая санкция.

3. Факт отсутствия законодательных примеров с наличием управомачивающих норм с санкцией, если понимать санкцию как структурный элемент данной нормы права, а субъективное право – как диспозицию этой же

нормы, неверно рассматривать как основание для вывода о том, что субъективное право не выражает юридическое предписание общего характера.

4. Проблематичность нахождения реальных законодательных примеров правовых предписаний в соответствующих трехчленных обязывающих / запрещающих юридических нормах, включающих в свою структуру правовую санкцию, обусловлена тем, что, несмотря на обилие в правовой науке разработок по проблематике структуры правовой нормы, вопрос о санкциях нормы права считать решенным нельзя.

В параграфе 2 «Правовая норма-санкция как основание нормативно-правовой содержательности законодательного текста, формализующего субъективное право» автор решает проблему верификации теоретической модели субъективного права как непрямого или дублирующего экспонента правового предписания через предусмотренность санкционной защиты правовой нормы.

Из изложенного следуют выводы:

1. Санкционная защита правовой нормы предполагает истинной следующую формулировку: «Система норм является правовой, когда есть норма 1 и есть предусматривающая ее санкционную защиту норма 2, предписывающая применить вид и меру юридической ответственности за отказ выполнить норму 1». Это также выражает императивную системность права.

2. Правовая норма-санкция является необходимым условием для признания того, что некий экспонент (знак права) не репрезентирует пустое содержание (смысл и значение права), но указывает на правовую содержательность законодательного текста, независимо от формы представления данного текста (субъективное право, правовая обязанность, правовой запрет). Правовая норма-санкция есть индикатор реальной прескриптивной содержательности законодательного текста, формализующего субъективное право.

В третьем параграфе «Особенности совмещения субъективного права с правовым предписанием: теоретические аспекты» диссертант, рассмотрев особенности формулирования нормативных правовых предписаний, делает выводы:

1. Единство прескриптивного содержания при различии законодательной формы обуславливает тот факт, что субъективные права и правовые запреты (обязанности) в ситуации с так называемой корреспондирующей связью указывают на различное поведение, но предписывают одно и то же поведение, что демонстрирует семантическое равенство этих формулировок в прескриптивном контексте.

2. В семантическом аспекте для установления предписания следует сформулировать текст обязанности / запрета либо субъективного права, выражающего данные обязанности / запрет как первичную норму и норму-санкцию, что также выразит императивную системность права.

3. Особенности формулирования правовых предписаний через такое их законодательное выражение, как субъективные права, являются одной из теоретических основ совершенствования правообеспечительной деятельности, поскольку позволяют выявлять существенные дефекты государственного управления, выражающиеся в появлении субъективных прав, в том числе прав и свобод личности, без соответствующих юридических обязанностей и санкционной защиты.

4. Особенности формулирования правовых предписаний через такое их законодательное выражение, как субъективные права, создают дополнительные теоретические предпосылки выявления неточностей в различении и оценке общедозволительного и запретительного типов правового регулирования.

5. Прагматическое неравенство способов формулирования правовых предписаний создает предпосылки для построения теоретической модели субъективных прав с непредписывающими регулятивными свойствами.

Шестая глава «Регулятивная природа субъективных прав» посвящена рассмотрению такой оригинальной для юридической науки идеи, как непредписывающий регулятивный потенциал субъективных прав.

В первом параграфе «Правовое регулирование и правовое воздействие: терминологические уточнения» автор предвещает поиск места и роли субъективных прав в правовом регулировании исследованием объемов понятий «правовое регулирование» и «правовое воздействие» и делает выводы:

1. При использовании лишь одного термина, например, «правовое регулирование», мы получаем следующее родовидовое деление понятий.

Правовое регулирование бывает:

А) предписывающим правовым регулированием;

А-1) предписывающим нормативным правовым регулированием;

А-2) предписывающим индивидуальным правовым регулированием;

Б) непредписывающим правовым регулированием.

Как введение термина «воздействие» (когда будет использоваться только один термин – воздействие), так и выведение его из научного оборота являются вполне корректными и выражают терминологические предпочтения соответствующих ученых. Соответственно, если использовать только термин «правовое воздействие», мы получаем совершенно аналогичную схему родовидового деления понятий.

2. Разрешение следует отнести к сфере непредписывающего правового регулирования.

Во втором параграфе «Непредписывающее правовое регулирование: методологические основы теоретической реконструкции» диссертант, устраняя неточности, связанные с выявлением признаков правового регулирования и правового воздействия, формулирует теоретико-методологические предпосылки построения модели непредписывающего правового регулирования. Чаще всего к таким неточностям относится смешение различных аспектов, а также различных этапов алгоритмов осуществления правового регулирования и правового воздействия.

Для устранения выявленных неточностей автор предлагает различать сущностный, структурно-функциональный, информационно-коммуникативный и информационно-психологический аспекты (предписывающего и непредписывающего) правового регулирования. Исследование указанных аспектов и этапов алгоритмов позволяет дополнить существующие научные разработки в области правового регулирования и правового воздействия следующими (положениями) выводами, значимыми в контексте настоящего исследования:

1. По своей сути, как предписывающее, так и непредписывающее правовое регулирования выражают отношения господства и подчинения, хотя они не всегда проявляются открыто, с очевидностью.

2. В любом правовом регулировании существуют субъекты-управленцы, как относящиеся к субъектам публичной власти и субъектам частноправового регулирования, так и не относящиеся к ним, но оказывающие влияние на субъекты публичной власти и частноправового регулирования и даже использующие их как инструменты управления. В числе субъектов-управленцев – представители международных, внутригосударственных общественных организаций, бизнеса, интеллектуальной элиты, лоббисты и другие, причем действующие как в пределах правовой инициативы, правового сотворчества, так и вне их.

3. Целями любого правового регулирования являются упорядочение, охрана и развитие общественных отношений, содержательно обусловленные основными целями субъекта публичного (либо алгоритмически более высокого) управления и (соподчиненными им) инструментальными целями иных субъектов, чья деятельность обеспечивает деятельность субъектов более высокого уровня в реальной иерархии публичного управления.

4. Учет определенности и иерархии реальных целей правового регулирования, а также скорости их достижения позволяет увидеть, что существуют не два объекта / предмета правового воздействия / регулирования (сознание и поведение людей), но единый объект как предписывающего, так и непредписывающего правового регулирования – сознательно-волевое поведение людей, где влияние на сознание всегда алгоритмически предшествует влиянию на поведение.

5. Неточной является характеристика правового регулирования как результативного, контролируемого влияния, а правового воздействия – как нерезультативного, неконтролируемого влияния. Диссертант настаивает на том, что контролируемость / результативность влияния не детерминируется как первопричина в связи с тем, что средством влияния избраны нормы права. Неконтролируемым, нерезультативным может оказаться влияние, оказываемое

как с помощью норм права, так и с помощью иных средств, что довольно существенно меняет представления об эффективности правового регулирования и государственного управления.

6. Правовое регулирование неверно рассматривать как информационный обмен, представленный лишь контурами прямых и обратных связей между субъектом и объектом управления без учета включения в информационный обмен (социальной) среды. Учет социальной среды, через которую передается управляющее правовое влияние, позволяет увидеть, что это влияние бывает как непосредственным, так и опосредованным, что, однако, не следует связывать ни со стимулированием, ни с количеством людей, на которое оказывается это влияние.

7. Характеризовать средства правового регулирования (при исследовании структурно-функционального аспекта) данного регулирования, утверждая, что эти средства выражают сущность права как жёсткого регулятора общественных отношений, отличая его от других социальных регуляторов, представляется не всегда уместным в силу ограниченной верифицируемости подобной характеристики.

8. Информационное и ценностно-ориентирующее (ценностно-мотивационное, позитивно и негативно-стимулирующее) действие права следует рассматривать не как отдельные каналы влияния в структурно-функциональном аспекте, но как этапы алгоритма правового влияния в информационно-коммуникативном и в информационно-психологическом аспектах правового регулирования. При этом эмоциональное влияние права в некоторых случаях не будет являться необходимым этапом алгоритма правового регулирования.

9. В связи с проведенным автором устранением значительного объема неточностей, а также с дополнением существующих научных разработок в области соотношения правового регулирования и правового воздействия, диссертант утверждает, что следует вести речь не о правовом воздействии, но о непредписывающем правовом регулировании.

В третьем параграфе «Субъективные права в непредписывающем правовом регулировании: общая характеристика» рассматриваются

особенности места и роли субъективных прав в непредписывающем правовом регулировании с учетом различных аспектов и алгоритмов осуществления данного регулирования. В результате исследования получены следующие выводы:

1. Субъективные права отражают сущностный аспект непредписывающего правового регулирования, выражающий определенную меру отношений иерархичности, но это не проявляется эксплицитно.

2. В информационно-коммуникативном аспекте субъективные права в составе правового регулирования проявляют уникальность, поскольку относятся к непредписывающей информации, но отчасти выражают себя и как предписания. Эта уникальность радикально отличает субъективные права от так называемых рекомендательных норм права.

3. Субъективные права как непредписывающее оценочно-побуждающее указание на поведение уполномоченного субъекта есть средство непредписывающего правового стимулирования через обратную позитивную управленческую связь.

4. Связь субъективных прав с целеполаганием в составе различных направлений непредписывающего правового регулирования во многом обусловлена активным проявлением правовой инициативы в данной сфере.

5. Специфика возникновения, функционирования и развития субъективных прав в структурно-функциональном аспекте непредписывающего правового регулирования характеризуется особым значением канала непрямого влияния на поведение объекта со стороны, например, международных организаций, общественных организаций, в том числе со стороны представителей научного сообщества и т.д., причем как в рамках правовой инициативы, так и вне ее.

6. Культурное влияние права есть частный случай процесса социально значимого информационного влияния права, а потому следует говорить об информационно-культурном влиянии права.

7. Ценностно-ориентирующее влияние права на сознание и волю человека есть процесс не параллельный информационно-культурному влиянию, но вложенный в него. Соответственно, и позитивно-стимулирующее

психологическое влияние есть последовательный этап алгоритма ценностно-ориентирующего правового влияния, отражающий информационно-психологический аспект правового регулирования.

9. Учитывая аксиологическое содержание идеологии как информации и влияние ее через психологические механизмы на мировоззрение, следует говорить о культурно-идеологическом влиянии права как о частном случае информационно-культурного влияния, не вводя поправок на изначальную деструктивность идеологической сферы.

10. Тенденция к преувеличению регулятивного потенциала нормативно-правового регулирования создает основу недооценки непредписывающего правового регулирования. Но исследование информационно-психологического аспекта правового регулирования в контексте конкретно-исторической юридической практики показывает недостаточную обоснованность проявляющегося в публичном дискурсе примата предписывающего правового регулирования над непредписывающим.

11. Субъективное право – это юридически закрепленное непредписывающее оценочно-побуждающее указание на поведение уполномоченного субъекта, а также на дублирующий либо косвенный экспонент юридической обязанности / запрета такого поведения ответного субъекта, которое алгоритмически необходимо для осуществления поведения притязающего субъекта в контексте установленной субъектом правотворчества модели социального взаимодействия.

12. Разнообразие алгоритмов преобразования управленчески значимой информации, обмен которой – онтологическая суть правового регулирования, выражается в разнообразии особых социально-правовых оценок, составляющих один из аспектов бытия субъективных прав.

13. В содержательно-критериальном аспекте это будут, с одной стороны, оценки объективной пользы, которая обусловлена естественно-биологической и алгоритмической необходимостью для выживания и развития человека, а с другой – оценки субъективных предпочтений, обусловленные ситуативными факторами как предпосылками, преимущественно случайными либо социально

сконструированными в том числе и манипулятивно навязанными интересами, носящими деградационный характер в силу своей объективной деструктивности (несмотря на возможную чувственно-эмоциональную привлекательность). Эти содержания и критерии оценок могут конфликтовать друг с другом.

14. Различение оценок объективной пользы и оценок субъективных предпочтений позволяет корректно решить проблему ценностной интерпретации субъективных прав.

15. Субъективные права, выступающие в качестве оценок объективной пользы, способны обеспечить эволюционность правового развития, независимого от конкуренции и смены парадигм метаязыка права.

В четвертом параграфе «Субъективные права в непредписывающем правовом регулировании: оценки ante legem и pre legem» диссертант, основываясь на междисциплинарном подходе, учитывающем достижения логико-философских исследований, не воспринятых в полной мере юридической наукой, указывает, что любая правовая норма представляет собой семантический симбиоз двух аксиологических оценок, т.е. правовые нормы являются частным случаем аксиологических оценок, данные оценки алгоритмически предшествуют норме.

Сделаны выводы:

1. Оценки, предшествующие норме права, есть оценки ante legem. В множестве этих оценок выделяется подмножество потенциальных оценок pre legem. Ветвь, ведущая к созданию правовой нормы, есть ветвь алгоритма с оценкой pre legem. Эти оценки генетически предшествуют (позитивному) праву, существуя в той ветке алгоритмов развития социальных процессов, которая привела на определенный момент к созданию правовой нормы.

2. Субъекты данной оценки непосредственно или опосредованно участвуют в правовом регулировании в статусе субъекта управления или инструмента управленца. В том числе это будут субъекты правовой инициативы.

3. Предметом такой оценки выступают определенные контрольные параметры протекания социально значимых процессов, которые информационно-алгоритмически связаны с управляемыми параметрами, входящими в предмет правового регулирования, а также средства изменения данных параметров.

4. Естественнo-правовой подход о дуализме права допустимо интерпретировать как вопрос о выделении во множестве оценок *ante legem* подмножества потенциальных оценок *pre legem* по определенным качественным параметрам.

5. Интерпретация субъективных прав как оценок способствует формулированию в метаязыке права уточненной теоретической реконструкции пробельности права независимо от того, считать пробелы в праве реальным явлением или нет.

6. Данные оценки как проявление одного из аспектов бытия субъективного права выполняют роль аксиолого-иерархического каркаса, предопределяющего содержательную направленность целеполагания правового регулирования и адекватно отражающего мировоззренческие, культурные, политико-идеологические и иные аспекты алгоритмов социально-правового взаимодействия.

В пятом параграфе «Субъективные права в непредписывающем правовом регулировании: оценки *praeter legem*, *secundum legem* и *post legem*» диссертант обосновывает, что оценки *pre legem*, образовавшие в семантическом симбиозе норму права, после отмены такой нормы права приобретают статус оценок *post legem*. Об оценках *praeter legem* идет речь в ситуации с различными системами национального права. Оценки *secundum legem* отражают ту модель социального взаимодействия, которая выражена в предметной формулировке субъективных прав в составе правоотношений. Одним из проявлений оценок *ante / pre / post / praeter legem* является проблематика такого морального фундирования права, которое включено в контекст определенной политико-правовой доктрины, что сопряжено с конкуренцией оценок, лежащих в основе правовых норм.

На основании изложенного сделаны выводы:

1. Регулятивный потенциал субъективных прав как оценок *praeter* и *post legem*, проявляющийся в информационно-коммуникативном и информационно-психологическом аспектах правового регулирования, во многом произведен от регулятивного потенциала правовой доктрины, формирующей смысловой метаконтекст любой юридической деятельности.

2. Экспансивная правовая глобализация национального типа в случае с «экспортом правового менталитета» проявляется через оценки *praeter legem* как непредписывающее влияние, проявление «мягкой силы» и непредписывающей национальной правовой экспансией.

3. Субъективное право как оценку *secundum legem* следует рассматривать не как необходимый, но как целесообразный элемент, усиливающий регулятивный потенциал правовой нормы (как семантического симбиоза оценок *pre legem*).

В заключении подводятся основные итоги исследования и формулируются соответствующие выводы.

Существующие теоретические положения о субъективных правах не являются исчерпывающими и точными в той мере, в какой они востребованы современной теорией и практикой в нынешней непростой обстановке, что и потребовало описания и объяснения данных прав на общетеоретическом уровне с использованием потенциала междисциплинарных исследований с различением семантического и прагматического аспектов исследования, объектного и метаязыка права для максимальной рационализации путей решения высоко политизированной юридической проблематики.

Выстроенная на основе понятий высокого уровня обобщений модель субъективных прав окажет содействие для выполнения общетеоретической юридической наукой своей роли как связующего звена между юриспруденцией и философией, как понятийного методологического фундамента для всех отраслевых юридических наук, как элемента метатеоретического инструментария для корректной интерпретации моделей субъективных прав в различных исторических и социокультурных контекстах.

Пересмотр традиционных воззрений и отход от интерпретации субъективных прав как воли, власти, состояний, возможностей, свободы, юридических прескрипций и т.д. есть не десакрализация данных прав, но формирование теоретического фундамента для поиска их подлинного регулятивного потенциала в аспекте разнообразных аспектов и этапов алгоритма действия права.

Поиск новых подходов к пониманию субъективного права в контексте правового семиотического треугольника, а также различения предписывающего и непредписывающего правового регулирования позволил увидеть разнообразные алгоритмы преобразования управленчески значимой информации, обмен которой составляет онтологическую суть правового регулирования. Данные алгоритмы выражены в разнообразии особых социально-правовых оценок, составляющих один из аспектов бытия субъективных прав. Такой подход означает интерпретацию субъективных прав как аксиолого-иерархического каркаса правового регулирования, позволяющего уйти от гипостазирования в отношении примата прав человека в правовом регулировании в пользу конструирования правовых смыслов на основе идей рационально выстроенной аксиологической intersubjectности правовогенеза, что создает фундамент целеполагания в юридической деятельности по решению задач как внутригосударственного, так и глобального уровней значимости. Особенно ярко практическая востребованность подобного подхода проявляется в существенном обновлении научного обеспечения противодействия влиянию такого фактора угрозы национальной безопасности России, как деструктивные политико-прагматические контексты интерпретации юридической деятельности.

**СПИСОК РАБОТ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ АВТОРОМ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ**

Монографии

1. *Попов, В.В.* Юридическая природа субъективных прав: проблемы теории : монография / В.В. Попов. – Волгоград : ВА МВД России, 2020. – 373 с. – ISBN 978-5-7899-1249-2. (17,9 п. л.).

2. *Попов, В.В.* Права человека в правовом регулировании: теоретический анализ : монография / В.В. Попов. – Волгоград : ВА МВД России, 2024. – 271 с. – ISBN 978-5-7899-1521-9. (14,4 п. л.).

Статьи, опубликованные в изданиях, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

3. *Попов, В.В.* Проблемы теории прав человека: информационная природа прав человека / В.В. Попов // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2014. – № 1 (28). – С. 14–20. (0,54 п. л.).

4. *Попов, В.В.* О связи прав человека со свободой: некоторые логические проблемы / В.В. Попов // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2014. – № 2 (29). – С. 9–16. (0,64 п. л.).

5. *Попов, В.В.* Происхождение прав человека: некоторые логические аспекты проблемы / В.В. Попов // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2014. – № 3 (30). – С. 12–17. (0,47 п. л.).

6. *Попов, В.В.* Права человека как субъективные права: проблемы нормативной интерпретации / В.В. Попов // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2014. – № 4 (31). – С. 9–15. (0,5 п. л.).

7. *Попов, В.В.* Права человека и национальная безопасность: некоторые проблемы / В.В. Попов // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2015. – 1 (29). – С. 265–269 (0,48 п. л.).
8. *Попов, В.В.* Нормативность юридических разрешений и правовой режим: некоторые проблемы / В.В. Попов // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2015. – 2 (30). – С. 205–209. (0,4 п. л.).
9. *Попов, В.В.* О некоторых идеологических проблемах связи прав человека со свободой / В.В. Попов // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2015. – № 1 (32). – С. 19–24. (0,54 п. л.).
10. *Попов, В.В.* Информационный статус прав человека: проблема нормативности юридического дозволения / В.В. Попов, И.А. Астахова, А.Н. Черашева // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2015. – № 4 (35). – С. 185–189. (0,49 п. л.).
11. *Попов, В.В.* К вопросу о структуре правовой нормы / В.В. Попов // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2016. – № 1 (36). – С. 10–15. (0,5 п. л.).
12. *Попов, В.В.* Санкция правовой нормы: миф или реальность? / В.В. Попов // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2016. – № 2 (37). – С. 154–158. (0,5 п. л.).
13. *Попов, В.В.* Правовое разрешение–полномочие: некоторые теоретические проблемы и пути их разрешения / В.В. Попов // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2016. – № 3 (38). – С. 20–26. (0,5 п. л.).
14. *Попов, В.В.* Система права и система законодательства: проблемы толкования объективности системы права / В.В. Попов, И.А. Астахова // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2016. – № 4 (39). – С. 16–21. (0,59 п. л.).
15. *Попов, В.В.* Плюрализм интерпретации объективности права в контексте соотношения системы права и системы законодательства / В.В. Попов // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2017. – № 1 (40). – С. 10–14. (0,43 п. л.).
16. *Попов, В.В.* Соотношение права и законодательства: предпосылки рассмотрения через призму семиотического треугольника / В.В. Попов // Вестник

Волгоградской академии МВД России. – 2017. – № 2 (41). – С. 127–132. (0,54 п. л.).

17. *Попов, В.В.* Проблемы системной связи субъективных прав и юридических обязанностей / В.В. Попов // Правовая парадигма. – 2017. – № 3. С. 47–51. (0,39 п. л.).

18. *Попов, В.В.* Взгляд на право через призму семиотического треугольника: проблема единственности правового смысла / В.В. Попов // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2017. – № 3 (42). – С. 142–146. (0,53 п. л.).

19. *Попов, В.В.* Взгляд на право через призму семиотического треугольника: проблема конвенционального ограничения множественности правовых смыслов / В.В. Попов // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2018. – № 1 (44). – С. 169–173. (0,42 п. л.).

20. *Попов, В.В.* Взгляд на право через призму семиотического треугольника: проблема доминантного ограничения множественности правовых смыслов / В.В. Попов // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2018. – № 2 (45). – С. 149–154. (0,47 п. л.).

21. *Попов, В.В.* Две стороны нормативности права: решение в семантическом аспекте / В.В. Попов, И.А. Мингес // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2018. – № 3 (46). – С. 25–30. (0,48 п. л.).

22. *Попов, В.В.* Проблемы правовой нормативности: предпосылки решения в прагматическом аспекте / В.В. Попов // Философия права. – 2018. – № 2 (85). – С. 37–44. (0,56 п. л.).

23. *Попов, В.В.* Правовой денотат как признак наличия государственного суверенитета / В.В. Попов, Н.И. Грачев // Философия права. – 2018. – № 3 (86). – С. 105–110. (0, 6 п. л.).

24. *Попов, В.В.* Субъективное право как дублирующий либо косвенный экспонент нормативного юридического предписания // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2019. – № 1 (48). – С. 27–33. (0,56 п. л.).

25. *Попов, В.В.* Соотношение правового регулирования и правового воздействия: методологические ошибки / В.В. Попов // Труды Академии управления МВД России. – 2019. № 2 (50). – С. 22–31. (1,16 п. л.).

26. *Попов, В.В.* Понятие субъективного права: критический анализ / В.В. Попов // Юрист–Правоведъ. – 2019. – № 2 (89). – С. 21–27. (0,75 п. л.).

27. *Попов, В.В.* Права человека как элемент непредписывающего правового регулирования: методологические основы теоретической реконструкции / Н.И. Грачев, В.В. Попов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2020. – № 6 (137). – С. 15–26. (0,93 п. л.).

28. *Попов, В.В.* Типы правового регулирования: ошибки интерпретации различий / И.А. Мингес, В.В. Попов // Труды Академии управления МВД России. – 2020. – № 2 (54). – С. 177–185. (0,9 п. л.).

29. *Попов, В.В.* Субъективное право как элемент непредписывающего правового регулирования в системе социально–правовых оценок: оценки ante legem и pre legem (начало) / В.В. Попов // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2021. – № 1 (56). – С. 24–30. (0,87 п. л.).

30. *Попов, В.В.* Субъективное право как элемент непредписывающего правового регулирования в системе социально–правовых оценок: оценки ante legem и pre legem (окончание) / В.В. Попов // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2021. – № 2 (57). – С. 16–24. (1,1 п. л.).

31. *Попов, В.В.* Субъективное право как элемент непредписывающего правового регулирования в системе социально–правовых оценок: оценки secundum legem // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2023. – № 4 (40). – С. 127–132. (0,68 п. л.).

32. *Попов, В.В.* Субъективные права в непредписывающем правовом регулировании: методологические основы исследования / В.В. Попов // Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22. – № 2. – С. 17–23. (0,6 п. л.).

33. *Попов, В.В.* Онтологический статус субъективного права: некоторые проблемы теоретической реконструкции / В.В. Попов // Труды Академии управления МВД России. – 2024. – № 4 (72). – С. 22–32. (1,2 п. л.).

34. *Попов, В.В.* Субъективные права как мера свободы: проблемы теории и практики в контексте прагматического аспекта анализа / В.В. Попов // Труды Академии управления МВД России. – 2025. – № 3 (75). – С. 28–37. (1,08 п. л.).

35. *Попов, В.В.* Субъективное право и типы правового регулирования: проблемы взаимосвязи / В.В. Попов // Труды Академии управления МВД России. – 2025. – № 4 (76). – С. 28–37. (1,14 п. л.).

36. *Попов, В.В.* Субъективное право: поиск новых путей построения теоретической модели / В.В. Попов // Юрист–Правоведъ. – 2025. – № 4 (115). – С. 29–35. (0,69 п. л.).

37. *Попов, В.В.* Субъективное право и нормативно-правовое предписание: проблемы сочетания // Труды Академии управления МВД России. – 2026. – № 1 (77). – С. 8–18. (1,1 п. л.).

Статьи, опубликованные в иных изданиях

38. *Попов, В.В.* Права человека как источник субъективных прав / В.В. Попов // Право как ценность и средство государственного управления обществом. Вып. 2: Сб. науч. тр. / Редколлегия: Анисимов П.В. (отв. ред.) [и др.]. – Волгоград : ВА МВД России. – 2005. – С. 97–102. (0,49 п. л.).

39. *Попов, В.В.* Юридизация прав человека / В.В. Попов // Новая правовая мысль. – 2005. – № 6 (13). – С. 7–15. (1,23 п. л.).

40. *Попов, В.В.* Об искусственности естественного права / В.В. Попов // Новая правовая мысль. – 2006. – № 5 (18). – С. 22–24. (0,33 п. л.).

41. *Попов, В.В.* О методологических проблемах теории прав человека / В.В. Попов // Проблемы правопонимания и правоприменения: теория и практика: материалы межрегион. науч.-практ. конф. Редколлегия А.Э. Ушамирский (отв. ред.) [и др.]. (Вожский, 2008 г.) : «Волжский институт экономики, педагогики и права», 2008. – С. 52–60. (1 п. л.).

42. *Попов, В.В.* О правах человека и свободе / В.В. Попов // Актуальные проблемы современного российского государства и права : сб. материалов всерос. науч.-практ. конф. памяти Заслуженного деятеля науки РФ, доктора юридических наук, профессора Альфреда Ниловича Соколова (16 мая 2014 г.). – Калининград: изд-во Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – С. 104–109. (0,3 п. л.).

43. *Попов, В.В.* О правах человека и защите социальных ценностей / В.В. Попов // Сб. научн. трудов Волгоградского юридического института за 2014 год / редкол.: Ф.В. Глазырин [и др.]. – Волгоград : ПринтТерра-Дизайн, 2014. – 200 с. – ISBN 978-5-98424-178-6. – С. 123–130. (0,4 п. л.).

44. *Попов, В.В.* Права человека: некоторые теоретико-познавательные проблемы / В.В. Попов // Сб. научн. трудов Волгоградского юридического института за 2014 год / редкол.: Ф.В. Глазырин [и др.]. – Волгоград : ПринтТерра-Дизайн, 2014. – 200 с. – ISBN 978-5-98424-178-6. – С. 130–136. (0,4 п. л.).

45. *Попов, В.В.* О правах человека в связи с проблемами глобализации / В.В. Попов // Актуальные проблемы частного и публичного права : сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф. Волгоград, 23 октября 2015 г. / редкол.: А. Н. Садков [и др.]. – Вып. 8. – Электрон. дан. (6,1 Мб). – Волгоград : ВА МВД России, 2016. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – С. 339–344. – ISBN 8-978-5-7899-1006-1. (0,33 п.л.).

46. *Попов, В.В.* Дефекты методологии юридической науки и национальная безопасность в связи теоретической реконструкцией субъективных прав: некоторые проблемы / В.В. Попов // Правовая культура в современном обществе : сб. научн. статей VIII Межд. науч.-практич. конф. «Правовая культура в современном обществе» (г. Могилев, Республика Беларусь, 23 мая 2025 года). Научное сетевое электронное издание / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь»; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. – Могилев : Могилевский институт МВД, 2025. – С. 75–78. – Режим доступа: https://elib.institutemvd.by/jspui/handle/MVD_NAM/8895. – Загл. с титул. экрана. (0,27 п. л.).

47. *Попов, В.В.* Непредписывающее правовое регулирование: некоторые проблемы / В.В. Попов // Государственно-правовые исследования : научно-образовательный ежегодник. Вып. 7–8. 2025 (2023–2024, 2024–2025 уч. годы): Актуальный вектор государственно-правовых исследований: правовое сотворчество публичной власти и гражданского общества как форма коммуникации в политике и праве (история, социально-политическая и юридическая теория, практика, технология) : материалы Межд. научн. конф., Тамбов, 23–24 апреля 2025 года / гл. ред. В. В. Трофимов. – Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2025. – 532 с. – С. 143–151. (0,89 п. л.).

.